

К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ ВЕДЕНИЯ БОЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

В статье анализируются летописные свидетельства, содержащие информацию о способах ведения боя в Древней Руси. Автор предпринимает попытку сравнительного анализа терминологии летописных описаний и наблюдений над практическим использованием моделей древнего оружия.

Ключевые слова: история военного дела, Лаврентьевская летопись, Повесть временных лет, сулица.

A. V. Bykov (Veliky Novgorod)

TO THE TECHNIQUES OF WARFARE IN ANCIENT RUSSIA

The article analyzes chronicles containing information about the ways of waging the battle in ancient Russia. The author attempts a comparative analysis of chronicle descriptions terminology and observations of the practical usage of the models of ancient weapons.

Key words: history of military affairs, Laurentian Chronicle, Tale of Bygone years, sulitsa.

В военных эпизодах из раннего русского летописания крайне мало подробностей, разъясняющих механику боя. Однако даже анализ тех немногих подробностей, которые имеются в нашем распоряжении, позволяет в общих чертах представить, каким же образом сражались воины Древней Руси.

Так, в 946 г. «Ольга с сыном своим Святославом собра вои много и храбры, и иде на Дерьвьску землю. И изидоша Древляне противу; и снемшимся обеима полкома на скупь. Суну копьем Святослав на Деревляны и копие лете сквозе оуши коневе и удари в ноги коневе, бе бо детеску» [2, с. 67–68].

Здесь глагол «сунул» используется в контексте «метнул». Святослав метнул копье с коня в противника, но т. к. он был еще совсем ребенок, копье пролетело между ушей коня. Видимо, метать копье с коня в противника было обычным делом для русских воинов того времени. Именно поэтому Святослав совершает именно это действие, таким образом давая своим воинам сигнал к началу битвы. Прямой эффект от такого действия князя-ребенка, конечно же ничтожен. Об этом и летописец сообщает очень отчетливо. Брошенное ребенком копье, пролетев между ушей коня, упало этому коню под ноги. Такой бросок не мог добавить чести князю, не мог повысить его репутацию. Но ведь ребенок и не смог бы удачно метнуть тяжелое копье. Зачем тогда описывать вообще этот бросок?

Дело в том, что этот бросок копья был ритуальным, обязательным для князя. Именно об этом сообщает нам летопись. От этой обязанности его не избавляло даже малолетство. После ритуального броска Святослава, воеводы обратились к войску: «Князь уже почал, потягнете дружина по князе!» Войско устремилось в бой и одержало победу. Обратим внимание на весь тон, каким ведется повествование о Святославе. Это князь-герой, князь-идеал. Единственным его недостатком, с точки зрения монахов-летописцев является его язычество, но с точки зрения князя-воина он в летописи безупречен. Значит и «участие» малолетнего Святослава в битве, его «бросок» копья — это не способ принизить князя, а способ показать на примере «идеального князя», что даже малолетство не освобождает князя от обязанности начинать битву и в меру сил в ней участвовать.

Возможно, не все войско Ольги и Святослава было конным. Но метание копья в противника, видимо, было прямой обязанностью любого воина. Судя по дальнейшим многочисленным указаниям летописей, именно метание копий в противника и составляло основное действие в ходе боя.

Вот как описывает летописец походы зрелого Святослава: «Князю Святославу взрастьшу и възмужавш нача вои совокупляти многи и храбры и легько ходя аки пардус воины мно-

ги творяше ходя воз по собе не возяше ни котла ни мяс варя. Но потонку изрезав конину ли, зверину ли или говядину на оугле испек ядыху. Ни шатра имаше но подклад послав и седло в головах. Также и прочии вои его вси бя».

Из этого отрывка можно сделать вывод о том, что войско Святослава было, по понятиям Древней Руси очень мобильным — вовсе не имело обоза. Возможно, все войско Святослава перемещалось верхом на конях (седло и попона «в головах» при ночевке). Или так двигалась только самая мобильная его часть. Узнав о приходе печенегов под Киев, «Святослав вборзе вседе на коне с дружиною своею и приде Киеву целова матерь свою и дети своя и сжалися о бывшем от Печенег и собра вои и прогна Печенеги в поли и бы мир». Заметим, что, приехав верхом с «дружиной», Святослав сначала собирает многих воинов, а только потом идет в бой и прогоняет печенегов. Тех, кто приехал с ним верхом на конях, «вборзе», для отпора печенегам было явно не достаточно.

Еще один интересный эпизод: воевода Претич, братаясь с печенежским князем, меняется с ним оружием. Печенег дает русскому воеводе коня, саблю и стрелы, а русский воевода дает печенегу бронь, щит, меч. Возможно, в описании присутствует документальная точность, но более вероятно, что летописец подчеркивает этим списком различие в военном деле русских и печенегов. Характерным для печенегов оружием были конь, сабля и стрелы. Для русского же воина характерным оружием (по крайней мере, по сравнению с печенегами) были бронь (кольчужный доспех), щит и меч.

То есть для русского воина характерным был доспех, а не конь. Это является косвенным подтверждением того, что не все русские воины сражались верхом. Конница была, видимо, малочисленной.

Вот описание войны вокруг «городов» (т. е. укрепленных пунктов, крепостей): в 946 г., после того как войско княгини Ольги и малолетнего Святослава победило древлян, «Древляне затворишася в граде и боряхуся крепко из града... и стояла Ольга лето и не можаше взяти града.»

«Боряхуся крепко» — так описывается стрельба из луков, метание копий и камней со стен града по тем, кто пытается к стенам подойти.

А вот описание вылазки: в 971 г. «Приде Святослав в Переяславец и затворишася Болгаре в граде. И излезоша Болгаре на сечю противу Святославу. И бысть сеча велика. И одалаху Болгаре. И рече Святослав воем своим. Оуже нам zde пасти. Потягнем мужски братья и дружино. И к вечеру одоле Святослав и взя град копием».

Болгары «затворишася в граде» — т. е. спрятались за стенами и заперли ворота. Но затем они сделали вылазку — «излезоша на сечу». «Сечь», то есть рубить можно только в рукопашной схватке. Слово сеча подразумевает, казалось бы, не метательный бой, а бой с применением мечей и топоров. Однако рукопашные схватки требуют такого напора и мобилизации сил, что в ходе «сечи» у ее участников просто не хватит дыхания, чтобы говорить красивые речи, подобные речи Святослава. Да и за грохотом оружия этих речей никто не услышит. Сквозь грохот оружия и защитного снаряжения участники сечи могут расслышать только бой барабанов, звук трубы и громкие односложные крики-команды младших командиров, находящихся от них в непосредственной близости.

Мало того, рукопашные схватки - сечи крайне скоротечны. Сеча не может длиться весь день. Опыт многочисленных реконструкций военных столкновений показывает, что собственно рукопашная схватка длится не более нескольких минут. Все остальное время происходят подготовительные маневры и перестрелки. Сеча занимает ничтожную часть времени самого сражения, но, в случае, когда демонстрация силы и перестрелка не могут решить исхода битвы, именно сеча становится решающим моментом битвы, составляет ее суть, ее главное действие. Поэтому то сражение, в котором имела место хотя бы одна массовая рукопашная схватка, правомерно будет назвать «сечей».

Именно в таком контексте следует рассматривать термин «сеча» в летописных источниках. В сражении, которое летопись назвала «сечей», имела место рукопашная схватка. Если в бой были вовлечены тысячи сражающихся, или силы, участвовавшие в бою, были разделены на несколько тактических единиц, то рукопашная схватка вполне могла вспыхивать неоднократно.

Но даже само применение определения «сеча» к бою вовсе не значит, что весь бой состоял из сплошной рукопашной схватки. Это стереотип, навязанный нам около исторической художественной литературой и кинематографом. В реальности ничего подобного не было и не могло быть, т. к. в войнах участвовали не компьютерные модели, и не киногерои с бутфорскими картонными мечами. Сражались реальные люди с достаточно тяжелым военным снаряжением. Те самые средневековые люди, которые страдали от болезней и хронического недоедания, те самые, что не доживали в основной своей массе до 45–50 лет. Среднестатистический современный человек по сравнению со средневековыми людьми просто былинный богатырь, выделяющийся и более высоким ростом, и более развитой мускулатурой, и физическим здоровьем. Опыт фестивалей исторической реконструкции показал, что современные люди, не самые слабые представители человечества, зная что сражаются понарошку, не на смерть, тем не менее, не могут вести контактный рукопашный бой дольше нескольких минут.

Итак, уже из самых ранних летописных упоминаний можно выделить способ ведения боя — это преимущественно метательный бой, лишь в своей критической, пиковой, фазе переходящий в «сечу» — т. е. рукопашную схватку.

Однако в большинстве переводов летописных военных повестей на современный язык, древнерусское «бить», «бити» ошибочно переводится как «рубить». Такой перевод полностью искажает картину боя. «Рубить» по древнерусскому — это «сечи», «сечь». А слово «бить» следует переводить как «сражаться» в самом общем смысле. Это «бить» состояло именно в стрелковом, метательном бое, в котором использовались стрелы, камни, дротики — сулицы. На близких дистанциях металась и копья.

Справедливости ради надо заметить, что «сеча», т. е. военное столкновение, в котором, все-таки, имела место рукопашная схватка, довольно часто встречающийся в русских летописях термин. Русские воины часто доводили дело до рукопашной схватки, порой настолько тесной и упорной, что сражающиеся стороны «руками яшася» — т. е. могли не только нанести удар по противнику мечом или топором, но и схватить его руками. В Новгородской Первой летописи так описывается, например, Любечская битва 1016 г: «И бысть сеча зла, оже за руки емлющеса сечаху и по удолием кровь течаше» [1, с. 174].

Однако никак нельзя представлять сражение в виде исключительно рукопашного боя, с применением топоров и мечей. Меч, топор, булава для рядового средневекового воина — запасное оружие. Главное его оружие — лук со стрелами, сулица, копьё. А главное защитное снаряжение — щит. Так происходит везде, где главным действующим лицом в битвах является народное ополчение.

Кстати, только массовое применение сулиц в ходе военных столкновений может объяснить, почему среди археологических находок столь высок процент черешковых сулиц. Дело в том, что, как показала практика использования сулиц в ходе состязаний по метанию — любая черешковая сулица — одноразовая. Если после броска черешковая сулица попадает в твердую поверхность (например, в дерево щита, в металлический доспех), то черешок неизбежно расщепляет древко сулицы и наконечник слетает. В дальнейшем эту сулицу использовать возможно только после починки. Мало того, даже воткнувшись после броска просто в землю, черешковая сулица, скорее всего, сломается. Таким образом, метнув в противника черешковые сулицы, воины, фактически, исключали возможность того, что это оружие будет подобрано и брошено в них в ответ.

В то же время, втульчатые сулицы, также встречающиеся среди археологических находок, использовались в Древней Руси, видимо, для охоты. Они не должны были ломаться после первого попадания в цель, т. к. зверь не может бросить сулицу в ответ.

Источники и литература

1. Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М., 1950.
2. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997.